

Краткое содержание:

На Лань Цижэня сбрасывается последняя бомба, к которой он определённо не готов.

У каждого из наших игроков есть свои моменты на сцене, когда закрывается занавес.

Лань Цижэнь очень тщательно подошёл к организации праздника — церемония состоялась, когда солнце достигло своей высшей точки, и он спланировал всё так, что закончилось она, когда солнце начало садиться. Ему нужно было, чтобы всё прошло идеально в глазах Совета; чем меньше у них будет аргументов против связи Ванцзи и Вэй Усяня, тем меньше нытья ему придётся терпеть позже.

И старейшины поняли это, он знал. Из слов произнесённой им речи, из поклонов Слившейся Пары они прочитали предупреждение и вняли ему. И когда Лань Юань выступил вперёд, произнося традиционные слова с едва заметной запинкой и безупречно выполняя все шаги церемонии вхождения в род, он увидел, как побледнели лица самых старых адептов Гусу Лань.

Неужели они действительно рассчитывали, что он даст им шанс получить контроль над своим племянником через приёмного сына? Нет, он всё тщательно спланировал, и А-Юань прекрасно отыграл свою роль. У мальчика было сильное золотое ядро и глубокий кладёзь эмпатии, благодаря чему научить его необходимому ритуалу было проще, чем использованию палочек для еды.

Итак, из дюжины старейшин восемь выпили предложенный чай с кислыми лицами (остальные четверо были просто в восторге от того, что Лань Цижэнь, наконец-то, устоял против их требований, и почти с умилением восхищались очаровательным нарядом А-Юаня и искренней торжественностью его выступления).

И Лань Цижэнь одержал победу.

Теперь, когда он разобрался со своим младшим племянником, ему нужно было заняться недавним приступом угрюмости и меланхолии старшего.

* * *

Лань Ванцзи стоял, прижавшись к боку Вэй Усяня, положив руку ему на спину, пока его партнёр жадно болтал с Не Хуайсаном.

— Старший брат, вероятно, собирается сделать Нин-сюна своим личным целителем, как только тот закончит обучение у своей сестры, — доверительно сообщил молодой господин Не, сверкая глазами, пока он с упоением сплетничал о своём собственном Ордене. — И самое приятное то,

что никто из целителей ничего не может с этим поделать. Целительница Цин — живая легенда в мире врачевания, и, поскольку она годами обучала своего брата, он уже лучше, чем большинство целителей в Цинхэ.

Вэй Усянь рассмеялся, в каждом звуке слышался неподдельный восторг.

— Я рад, что у него всё хорошо, — заявил он и ухмыльнулся. — Он застенчивый и тихий, и мне не удалось поговорить с ним так долго, как мне бы хотелось. Помимо сегодняшней церемонии и празднования, я сомневаюсь, что мне удастся часто видеть его вне церемоний Ордена. Но, держу пари, у него всё получится.

Не Хуайсан глубокомысленно кивнул.

— Он не так застенчив, когда дело доходит до здоровья и исцеления. На самом деле, он почти повысил голос, когда один из врачей чуть не добавил в лечебную чайную смесь траву, которую неправильно идентифицировал. Я слышал, что это было настоящее событие.

— Тогда как долго ты пробудешь здесь? Я полагаю, не слишком долго, начальник шпионской сети. — Вэй Усянь приподнял бровь, словно призывая своего друга опровергнуть обвинение.

Не Хуайсан усмехнулся:

— В самом деле, недолго, возможно, только до завтра. Но я могу расширить здесь свой книжный клуб, в чём я очень нуждаюсь, Вэй-сюн. — Он поклонился в знак поздравления. — Много благословений вашей Связи, Вэй-сюн, Лань-сюн. Я оставил подарок, который может вас заинтересовать, на соответствующем столе. Однако я бы посоветовал подождать и открыть его позже. — Он хитро ухмыльнулся, а затем ускользнул, прежде чем Вэй Усянь успел сделать что-то большее, чем изобразить возмущённый вздох.

Демонический заклинатель фыркнул и откинулся в объятия Лань Ванцзи.

— Эй, Лань Чжань, — пробормотал он и ворчливо добавил в уединении их Слияния: «Могу поспорить, что это книга, полная сексуальных поз и советов».

Рука Лань Ванцзи сжалась на его талии.

«Мы подробно изучим её позже, Вэй Ин», — пообещал он, и даже его внутренний голос вибрировал от желания.

«Не могу дождаться, Лань Чжань. мне интересно...»

— Ванцзи, супруг Усянь.

Знакомый голос и непривычное обращение заставили демонического заклинателя поспешно вынырнуть в реальность.

— Цзэу-цзюнь, ты выглядишь намного счастливее, — заметил он, сверкнув глазами.

Мягкая улыбка Лань Сичэня говорила о многом.

— Теперь ты можешь называть меня иначе, супруг Усянь.

Удивлённый Вэй Усянь рассмеялся.

— Полагаю, я могу, старший брат Сичэнь! — Он едва не приплясывал на месте, настолько ему нравилась сама мысль отказаться от формальностей. — Я не ожидал, что из всех вещей мне будет предложено именно это. Это мой подарок от семьи?

— Нет, — возразил Лань Сичэнь. — Хотя меня забавляет то, что ты видишь это в таком свете. Мой подарок довольно особенный, поэтому я хотел вручить его лично, дабы убедиться, что его смысл полностью понят. — Он взглянул куда-то мимо Пары, и на его лице мелькнула тень веселья. — Дядя, ты как раз вовремя. Я пришёл, чтобы отдать этим двоим свой подарок. Он немного необычный и очень важный.

Вэй Усянь выпрямился, вмиг утратив игривое озорство, когда увидел, каким торжественно-серьёзными стал взгляд Лань Сичэня. Стоявший рядом с ним Лань Ванцзи также сосредоточил всё своё внимание на брате, и демонический заклинатель почувствовал сильное любопытство.

— Что такого важного ты принёс, Сичэнь? — спросил Лань Цижэнь. — Дарить такие подарки необычно.

Лань Сичэнь кивнул, полностью соглашаясь.

— Я знаю, но это действительно нечто уникальное. Я хочу подарить его сейчас, чтобы дальше не было никаких недоразумений.

— Сичэнь, — предупреждающе проговорил Лань Цижэнь и сузил глаза. — Что ты делаешь?

— Всё в порядке, дядя. Не волнуйся так сильно. — Глава Гусу Лань повернулся к своему брату. — Ванцзи, протяни руку.

Лань Ванцзи вздрогнул от удивления, но подчинился, а затем, когда он, наконец, осознал, что именно брат положил ему на ладонь, застыл, не мигая глядя прямо перед собой.

Вэй Усянь же машинально взял богато украшенную печать, которую передал Лань Сичэнь, и почувствовал, как в его голове вдруг стало звеняще пусто — неужели глава Ордена только что передал свой титул своему младшему брату? Почему он...

В следующий миг он почувствовал резкий толчок со стороны Лань Ванцзи и вскинул голову. Глаза цвета штормового моря ошеломлённо распахнулись: за спиной Лань Сичэня стояли двое. С одной стороны — неуклюже нервный, но решительный Цзян Чэн, а с другой — встревоженная, но серьёзная Вэнь Цин.

У них получилось. Они это сделали. Вэй Усянь восторженно посмотрел на Лань Сичэня, наконец, до конца осознав, что делает старший мужчина.

— Ты серьёзно, — произнёс он вполголоса, почти не в силах сдержать своё удовольствие. — Ты действительно решился.

Лань Сичэнь счастливо кивнул:

— Да.

Лань Цижэнь, напротив, пребывал в ужасе.

— Сичэнь, что ты творишь? — прошипел он.

— Не сейчас, дядя. Можешь ругать меня завтра, но пусть сегодняшнее торжество закончится без драмы.

Лань Цижэнь едва не расплакался от возмущения и ярости, но он понимал, что его старший племянник прав, поэтому развернулся и зашагал прочь, растворяясь в толпе гостей. Он оставался на праздновании только потому, что должен был это сделать.

Хотя шёпот о том, что что-то происходит между Лань Сичэнем и его дядей, так и витал над празднующими заклинателями, никто не мог точно определить, что именно не так, а никто из причастных не произнёс ни слова. В конце концов, они пришли сюда не для того, чтобы сплетничать о чужих отношениях.

У Вэй Усяня возникло странное ощущение, будто его внезапно развернули — Лань Ванцзи легко отпустил его, так что он не волновался — пока не увидел яркие глаза своей сестры и широкую улыбку, заполнившую его взгляд.

— Шицзе!

— А-Сянь, я так рада за тебя! Я так рада, что мы смогли сделать это в такой короткий срок! А-

Чэн переживал в течение нескольких недель, и он чуть не проделал дыру в пирсе от беспокойства. — Яньли обвила его руками. — Я так рада за тебя, А-Сянь, правда. Ты прекрасно выглядишь!

На мгновение у Вэй Усяня перехватило дыхание — его любимая старшая сестра столько лет была его матерью во всём, кроме имени, и он не мог выразить словами, что значили для него её слова.

— Я так рад, что ты пришла, шицзе, — наконец, выдавил он, немного отстраняясь. — Я не думал, что получу что-то подобное, и теперь, когда я здесь, и ты здесь, я действительно не знаю, что делать. — Он ярко улыбнулся. — Но, на самом деле, мне всё равно, шицзе, и это самое странное. Я просто... счастлив.

Глаза Цзян Яньли наполнились слезами.

-Это всё, чего я когда-либо могла желать для тебя, — сказала она. — И ты должен прийти как-нибудь в гости, А-Сянь, не заставляй меня подниматься по всем этим бесконечным лестницам, чтобы увидеть тебя.

Вэй Усянь вновь рассмеялся:

— Я уверен, что мы будем регулярно встречаться по всем этим клановым делам, если не для чего-то ещё. В конце концов, господин Лань только что передал свою печать главы Лань Чжаню, чтобы жить в Пристани Лотоса.

— Что он сделал? — Глаза Цзян Яньли расширились, и она обязательно развернулась бы в поисках упомянутого главы Ордена Лань, если бы Вэй Усянь не держал её руки в своих. — А-Сянь, что...?

— Он настроен серьёзно, шицзе, что бы они втроём ни затевали, он серьёзен. Достаточно серьёзен, чтобы рискнуть потерять свой дом из-за этого. — Вэй Усянь улыбался искренне и восторженно. — Я думаю, мы можем быть спокойны за Цзян Чэна, шицзе. Он в надёжных руках. — Он сжал сестру в объятьях. — Теперь только ты и твой Павлин.

— А-Сянь! — запротестовала Цзян Яньли, сердито глядя на него. — Господин Цзинь — уважаемый молодой человек!

— Да, — дружелюбно согласился Вэй Усянь. — Вот почему я надеюсь, что ты приняла его ухаживания. — Он приподнял бровь, увидев её румянец.

Цзян Яньли вывернулась из объятий брата и легонько ударила его по руке — она не осмелилась сделать что-либо ещё, опасаясь испортить тонкую строчку или спутать ткань.

— Он прислал мне несколько подарков, и я их приняла. — Она фыркнула от безропотного веселья. — Он всё ещё выясняет, что происходит в Ланьлин Цзине, поэтому мы не можем двигаться быстрее, но, возможно, скоро мы сможем начать что-то планировать. — Её улыбка стала мягкой, а взгляд мечтательным.

Вэй Усянь картинно закатил глаза и заныл:

— Шицзе!

— Даже не начинай, А-Сянь! — Яньли обвиняюще наставила на него палец. — У меня могут быть свои маленькие моменты так же, как и у тебя. — Она наклонила голову в сторону терпеливо наблюдающего за ними Лань Ванцзи. — Ты ведёшь себя как влюблённый щенок, А-Сянь, всякий раз, когда кто-нибудь упоминает второго молодого господина Ланя.

«Ты можешь присоединиться, Лань Чжань».

«Я не хочу мешать...»

«Лань Чжань, подойди и поздоровайся с моей шицзе».

— Лань Чжань великолепен, — с готовностью согласился демонический заклинатель и усмехнулся, почувствовав, как Лань Ванцзи встал позади него. — Эй, Лань Чжань!

— Второй молодой господин Лань, — приветствовала его Цзян Яньли, сверкая глазами, и склонила голову в приветствии. — Ты прекрасно выглядишь, и церемония была очень красивой. — Она на мгновение замолчала и по очереди посмотрела на молодожёнов. — Вы двое усыновили А-Юаня?

Вэй Усянь кивнул, и лёгкая улыбка смягчила его лицо.

— Он как бы усыновил нас первым, на самом деле, и я просто не смог... отпустить его. А потом он очаровал великого учителя Ланя в тот момент, когда они встретились, и получилось... Он такой умный, шицзе, и он так счастлив называть нас своими родителями.

Цзян Яньли не могла справиться с бурлящими в ней эмоциями:

— О, А-Сянь, это так мило. И семейная церемония тоже была такой восхитительной.

— Это была не наша идея, — возразил Лань Ванцзи, и даже Цзян Яньли увидела мягкую улыбку на его лице. — А-Юань приготовил сюрприз.

Услышав это, Цзян Яньли радостно рассмеялась.

— Это очаровательно, — выдохнула она. — Он выглядел таким гордым и счастливым там, на возвышении, рядом с вами двумя. Я знаю, что и для целительницы Цин было важно увидеть, что о её племяннике так хорошо заботятся.

— Кстати, о целительнице Цин, — усмехнулся Вэй Усянь и посмотрел на Вэнь Цин, которая подошла, чтобы поприветствовать их с Лань Чжанем и остановилась позади Цзян Яньли, дожидаясь окончания разговора. — Рад снова тебя видеть. Твои... твои руки стали лучше? — Он проглотил отвращение к себе, которое, как он знал, заставит Вэнь Цин нахмуриться.

— Я тоже рада видеть тебя, — мягко сказала целительница, выглядела она не слишком уверенно. — И да, мои руки становятся лучше. Я верю, что со временем они исцелятся.

Её улыбка уже не выглядела такой натянутой, как раньше, поэтому Вэй Усянь поверил ей на слово.

— И ты отправишься обратно с Цзян Чэном и со старшим братом Сичэнем, когда будешь уходить?

Вэнь Цин изогнула бровь, бросая ему вызов:

— А если и так?

— Хорошо, — коротко ответил он.

Целительница моргнула:

— Что?

— Хорошо, — повторил Вэй Усянь и ухмыльнулся, глядя на её изумлённое лицо. — Что бы ни происходило у вас троих, я никогда не видел Цзян Чэна более счастливым, даже если иногда он выглядит немного растерянным. И Цзэу-цзюнь был достаточно серьёзен, когда возложил на Лань Чжана ответственность за Орден. Хорошо. Я рад.

Вэнь Цин долго смотрела на него, а Цзян Яньли и Лань Ванцзи смотрели на них двоих, словно ожидая, что прямо сейчас что-то взорвётся. А потом целительница резко выдохнула:

— Я не понимаю тебя, Вэй Усянь. Я ожидала большего... поддразнивания, или вызова, или чего-то ещё.

Демонический заклинатель усмехнулся:

— Я наблюдал за вами тремя в Цинхэ, и по какой-то странной причине у вас всё получилось. И хотя я не знаю, как вам это удалось, тот факт, что у вас есть чувства, и то, что вы готовы сделать многое, чтобы попытаться выстроить из этого будущее... Что ж, вы всего этого заслуживаете. — Его глаза смягчились, и, протянув руку, он стиснул запястье целительницы. — Вы спасли меня и Лань Чжэня и дали нам шанс. Вы трое заслуживаете того, чтобы тоже получить свой шанс.

Цзян Яньли слегка фыркнула на это, а Вэнь Цин нахмурилась, пытаясь сдержать эмоции, прорывающиеся на её лицо.

— С каких это пор ты заделался философом? — без пыла проворчала она и сжала его руку в своей — Вэй Усянь почувствовал себя оправданным, ощущая, что к ней вернулась сила.

— У меня есть любовь всей моей жизни и сын, которому удалось заставить даже такого жёсткого мастера, как великий учитель Лань, вертеться вокруг его пальца, а ещё дом для нас троих и будущее. Благодаря тебе. Потому что ты верила в себя, в Цзян Чэна и старшего брата Сичэня, и потому что ты верила в меня и Лань Чжэня.

На мгновение взгляд Вэнь Цин наполнился ртутью ярких, слишком знающих глаз Вэй Усяня, и она увидела в них своё собственное отражение; в его глазах она казалась огромной, величественной фигурой силы и уверенности, знания и мужества, мастерства и самоотверженности.

А потом он закрыл глаза, ярко улыбнулся, и Вэнь Цин снова смогла дышать.

— Вэй Усянь, — прошептала она.

— Целительница Цин, живи своей жизнью. В конце концов, ты подарила нам нашу.

«Спасибо, Вэй Ин».

«Я не собираюсь дразнить её в день нашей свадьбы, Лань Чжэнь. Не после того, как твой брат пошёл на такой шаг ради них. Кроме того, она выглядела такой взволнованной».

«Тебе не нужно было делать это для неё».

«Она спасла наши жизни и наше будущее, Лань Чжэнь. Это было меньшее, что я мог для неё сделать. И мы какое-то время практиковали отражение восприятия, и её нужно было немного подтолкнуть».

«Вэй Ин...»

«Ты можешь в наказания делать со мной разные штуки позже, Лань Чжань — мы можем полистать ту книгу, которую оставил Не-сюн, чтобы найти некоторые идеи, когда твои собственные закончатся».

«Вэй Ин...»

Вэй Усянь весело рассмеялся и, прислонившись к Лань Чжаню, помахал вслед Вэнь Цин, которая направилась обратно к толпе гостей, чтобы найти Цзян Чэна и Лань Сичэня.

— Шицзе, у тебя будет компания по дороге домой, — заявил он с ухмылкой, и Цзян Яньли восторженно улыбнулась:

— О, я и не подозревала, насколько они сблизилась, — сказала она тоном благоговейной радости. — Я надеялась, но, на самом деле, действительно не знала. — Она повернулась и внимательно посмотрела на Пару: — У нас всё идет так хорошо, А-Сянь. Я никогда не думала, что мы получим столько хорошего после стольких бедствий.

— Шицзе, поверь в это; отныне наше будущее будет ярким, прекрасным и полным счастья. Если в этой жизни я не могу гарантировать ничего другого, знай, что об этом я точно позабочусь.

— Пусть так и будет, Вэй Ин. — Лань Ванцзи собственнически обнял возлюбленного за талию, крепко прижал к себе, и Цзян Яньли поняла, что их будущее будет гореть достаточно ярко, чтобы соперничать с солнцем.

* * *

Солнце, наконец, скрылось за горизонтом, и празднование завершилось — гости разошлись по своим комнатам, а местные жители вернулись в город Цайи. Ученики Ордена Лань старательно очистили территорию, и до того, как ночь накрыла гору, вся поляна была возвращена в своё первоначальное безупречное состояние.

С восходом луны Лань Цижэнь почувствовал необходимость вразумить своего старшего племянника, прежде чем тот позволит всей этой... чепухе выйти из-под контроля.

Завтра будет слишком поздно, и его племянник получит право выбора. Нет, этот абсурд не должен продолжаться. Что могло повлиять на обычно спокойное и хладнокровное поведение Сичэня? О чём он думал, так легко передавая свою Печать Ванцзи? Сошёл ли он с ума после войны и испытаний, выпавших на долю Ванцзи?

Он должен узнать — такого потрясения вынести он не мог.

Сичэнь обнаружился рядом со своими комнатами, но не внутри них — в это время года погода так и приглашала всех медитировать под звёздами, так что Лань Цижэнь не нашёл в этом ничего необычного. Вот только Сичэнь был не один, а он не ожидал найти своего племянника в компании в это время ночи.

В павильоне у озера Сичэнь бездельничал (бездельничал!) с двумя другими залитыми лунным светом фигурами, между ними стоял низкий столик с несколькими чашками, чайником и ещё нетронутой доской для вэйци.

Что это за легкомыслие, околачиваться на улице, ночью, с незнакомыми людьми, пить чай и играть?

Лань Цижэнь глубоко вздохнул — он не собирался врываться в павильон будучи на грани ярости, охватившей его. Сичэнь больше не был ребёнком, неспособным осознать свои действия, а в тот момент, когда он, великий учитель, потеряет спокойствие, Сичэнь победит.

Итак, через несколько секунд, дождавшись, когда его гнев успокоится, Лань Цижэнь прошёл через открытый двор, зная, что племянник заметил его в тот момент, когда он ступил на дорожку лунного света — в конце концов, он не пытался красться.

Смирение и решимость мелькнули на лице Сичэня, — старейшина ожидал этого — и он тихо обратился к двоим людям, сидевшим с ним в павильоне. Вместо того чтобы уйти, как ожидал учитель — этот разговор был не для посторонних, — обе фигуры развернулись и сели по обе стороны от его племянника.

Что, во имя Небес, происходит?

Когда Лань Цижэнь, наконец, подошёл достаточно близко, чтобы разглядеть лица тех, кто окружал его племянника, он нахмурил брови. Известная целительница Цин, совершившая невозможный подвиг, и глава Ордена Юньмэн — Цзян Ваньинь.

Зачем они здесь?

— Дядя, — поприветствовал его Сичэнь напряжённым голосом. — Я так и думал, что ты придёшь сегодня вечером, а не будешь ждать до утра.

— Сичэнь, что всё это значит? Это не тот разговор, который кто-то другой может слушать, — возмущённо спросил он, входя в павильон, но не садясь.

— Важно, чтобы они остались, дядя, — ответил племянник. — Я принял решение. Вы не можете изменить его.

Лань Цижэнь снова ощутил этот приступ гнева.

— Ещё раз: этот разговор не для посторонних, Сичэнь. Целительница Цин, глава Ордена Цзян, для вас отведены комнаты. Было бы благоразумно вернуться в них сейчас.

Оба компаньона его племянника скривились в ответ на его приказ, но ни один из них не пошевелился. Лань Цижэнь нахмурился.

— Дядя, повторяю: я попросил их остаться. Дело касается их, и поэтому мы не можем обсуждать это без их присутствия. — Сичэнь протянул руку и положил ладони на запястья обоих сидящих рядом с ним заклинателей. — Тебе многое следует знать, дядя, о том, почему я сделал то, что сделал.

Насытившись нелепостью своего племянника, Лань Цижэнь сжал губы, чтобы сдержать гнев; если его племянник хотел сыграть этот спектакль перед публикой, что ж, он согласен.

— О чём ты думаешь, Сичэнь? Ты не можешь просто отказаться от своего Ордена, от своих обязанностей! Какое безумие привело тебя к этому?

Сичэнь вместо того, чтобы выглядеть раскаявшимся, мягко улыбнулся:

— Не безумие, дядя. Выбор. Мой выбор. То, чего я хочу, возможно, превыше всего, чего хотите Вы, — это то, что сделает меня счастливым. Итак, я передал Ванцзи главенство, так как он получит от этого наибольшую выгоду, я же хочу чего-то другого.

— Что ты имеешь в виду, Сичэнь? Говори откровенно, потому что прямо сейчас я вижу, как мой старший племянник убегает от обязанностей, которые он успешно выполнял в течение довольно долгого времени. Что случилось, что заставило тебя отказаться от них? — Лань Цижэнь остался стоять, нуждаясь в каком-то рычаге воздействия на спокойную уверенность своего племянника.

— Моё будущее.

Лань Цижэнь моргнул от простого ответа, несколько ошеломлённый.

— Твоё будущее? Ты глава Ордена Гусу Лань, Сичэнь, независимо от твоих действий сегодня. Твоё будущее с твоим народом, твоим кланом...

— Нет, дядя. Моё будущее не может быть здесь, вдали от тех, кого я выбрал, чтобы попытаться построить своё будущее.

И после этих слов ошеломлённый, потрясённый Лань Цижэнь сделал шаг назад, словно

пытаясь отдалиться от заявления своего племянника.

— Ты - Сичэнь...

Он, наконец, внимательно посмотрел на двоих заклинателей, сидящих бок о бок с Сичэнем, на самом деле, посмотрел и увидел то, что постоянно игнорировал с тех пор, как вошёл в павильон.

Цзян Ваньинь, вспыльчивый молодой человек, который боролся в огромной тени своего брата, решительно сжал руку Сичэня, и хотя он выглядел нервным, дело было не в мужчине и женщине рядом с ним. Он нервничал, потому что перед ним стоял кто-то, кто мог отнять ту надежду, что он старательно прятал под своими оголёнными нервами.

Целительница Цин, девушка с поразительно умными глазами, которые не раз обращали на него взгляд, требуя повиновения, а теперь были наполнены опасениями, переплела свои пальцы с пальцами Сичэня; и Лань Цижэнь мог видеть шрамы от её испытаний, ярко выделяющиеся на фоне безупречной кожи его племянника.

И Сичэнь... Он, наконец, заглянул достаточно глубоко, чтобы увидеть тот же безрассудный идиотизм, который на его глазах поглотил его старшего брата много лет назад, и который в эту самую минуту смотрел прямо на него.

— Ты отказываешься от своих обязанностей ради... ради них? - Лань Цижэнь даже не знал, как относиться к тем двоим, которые сейчас крепко держали Сичэня за руки. - Отказаться от Ордена, как это сделал твой отец, ради какого-то причудливого представления о любви? — Прошлое снова разверзлось перед ним, и это ужаснуло его.

Сичэнь фыркнул:

— Я знал, что ты будешь говорить об отце, дядя. Но ты не можешь использовать это против меня. Я не отказывался от своих обязанностей — Ванцзи гораздо больше подходит для этой задачи, а с титулом главы Ордена Совет будет иметь ещё меньше влияния на него - а с пренебрежением Вэй-гунцзы к их идеям о покаянии и стыде, у них его почти не будет. То, к чему Вы стремились с помощью Связи Ванцзи, я укрепил, дав ему свою Печать. И, отказываясь от своей должности, я выхожу из-под контроля Совета — я отказался от своего лидерства. — Его взгляд был серьёзным и прямым. — Я не подчинюсь их суждению, дядя. Ни за что.

Лань Цижэнь почувствовал, как его горло сжалось — как бы ни был прав Сичэнь, сколько бы стабильности ни дало лидерство в Ордене Ванцзи и Вэй Усяню, он не мог не видеть залитое слезами дерзкое лицо своего старшего брата, когда дверь в его комнату закрылась, и он замкнулся в изоляции. Он никогда не навещал своего брата после этого, редко виделся с ним по какой-либо другой причине.

И он пытался воспитать своих племянников так, чтобы они не пали жертвой слабости, которая

поглотила его брата.

Он потерпел неудачу.

— Ради забавы ты отвергаешь свой Орден, Сичэнь? - хрипло выдавил он.

— Это не забава, дядя. Это то, что мы выбрали.

— Ты не можешь этого знать... Ты провёл годы, игнорируя или отвергая любой брак, который я пытался устроить! Я принял это, Сичэнь. Я остановился. И теперь ты приходишь ко мне, отказываясь от своего дома ради двух человек? Людей, которых ты едва знал до войны? Что это, как не легкомысленная забава?

Сичэнь поднял бровь, и его глаза потускнели.

— Я провёл с ними три месяца, пока мы работали, чтобы Ванцзи и молодой господин Вэй выжили. День за днём мы вместе ели и играли в игры, вместе волновались и праздновали. Ночью мы спали в одной комнате. Мы начинали наши дни с чая, приготовленного А-Цин, ели обед, который приносил А-Чэн, играли в вэйци, которое приносил я. Мы разговаривали и ссорились вместе, и мы сочувствовали нашим общим разочарованиям. Мы надеялись и отчаивались, и мы нашли что-то друг в друге, мы цеплялись за дружбу. И со временем наша дружба росла. Когда дни превратились в недели и месяцы, это стало чем-то большим, чем-то, за что я хочу бороться. — Он крепче сжал руки двоих людей, сидящих рядом с ним, и решительно повторил: — Я буду бороться.

Лань Цижэнь проглотил всё, что хотел сказать — что-то о том, что молодые люди не могут этого знать, что чувства так непостоянны и не ведут ни к чему, кроме трагедии, — и, закрыв глаза, наконец, нащупал стул и тяжело опустился на него.

— Целительница Цин, глава Ордена Цзян, я хотел бы услышать, что вы можете сказать по этому поводу, — проговорил великий учитель и взглянул на них. — Нет, Сичэнь, ты высказал своё мнение, — предупредил он племянника. — Целительница Цин, ты первая. Происходя из Ордена, ныне полностью уничтоженного, ты стала легендарной целительницей. Что ты можешь сказать об этой... ситуации?

Молодая женщина, чью прямоту и серьёзность Лань Цижэнь знал слишком хорошо, расправила плечи.

— А-Хуань и А-Чэн стали для меня такими же важными, как мой младший брат, и они моя опора для будущего, которое я надеюсь построить вместе с ними. Доброта, юмор и честь А-Хуаня — это бальзам против суровости, к которой я привыкла, и к которой я обращаюсь, когда теряюсь. Дух, честность и решимость А-Чэна — это фундамент, на которой я могу опереться и знать, что меня поддержат. И оба они побуждают меня делать то, что я хочу. Я не могла желать большего ни от кого, кого могла бы выбрать. — Её слова, хотя и сказанные с оттенком

нервозности, были сильными, она высоко отзывалась об обоих молодых людях.

Лань Цижэнь не ожидал такого, если честно. Он не знал, чего ожидал, но явно не её искренней и прямой честности. Учитель смотрел на Вэнь Цин, и она смотрела в ответ. Он увидел в её глазах ту самую огненную целительницу, которая угрожала вышвырнуть его из Комнаты Исцеления Лотоса. Но он также увидел молодую женщину, которая преклонила перед ним колени, схватилась за руку его племянника и говорила о нём словами, которых он никак не ожидал.

Итак, в растерянности он повернулся к Цзян Ваньиню, который смотрел на целительницу Цин мерцающими глазами.

— Глава Ордена Цзян, — проговорил он, привлекая его внимание. — Мой племянник также назвал тебя в этом списке. Я хочу услышать твои мысли. Нет, Сичэнь, целительница Цин, тише. Вы сказали своё слово. — Он вызывающе поднял бровь.

Сичэнь сжал руку Цзян Ваньиня, а целительница Цин высвободила свою руку и положила её на плечо Цзян Ваньиня — поддержка от них обоих заставила Лань Цижэня с трудом сглотнуть; они хорошо знали друг друга, заметил он в равной мере с едкостью и одобрением. Он знал, что Цзян Ваньиню всегда было труднее высказывать своё мнение, чем его брату. Всеми способами, которыми Вэй Усянь разрушал общепринятые представления, Цзян Ваньинь изо всех сил старался воплотить их, как бы компенсируя то, что другие воспринимали как семейную неудачу.

Лань Цижэнь сузил глаза, ожидая, что Цзян Ваньинь заговорит, скажет, что он думает обо всей этой странной ситуации, и одновременно задавался вопросом, будет ли он вообще говорить.

Наконец, глубоко вздохнув, Цзян Ваньинь вздрогнул.

— Сначала я подумал, что сошёл с ума, когда впервые понял. Тогда я не знал, что они чувствовали тоже, что и я, но я думал, что это фантастическая чепуха. Как мог кто-то столь благородный, мудрый и добрый, как А-Хуань, чувствовать ко мне тоже, что и я? Или кто-то такой же умный, умелый и уверенный в себе, как А-Цин? И даже больше, они оба? Я... Сначала я не считал себя достойным. Но А-Хуань и А-Цин никогда не позволяли мне думать так о себе, о них, и вселили в меня уверенность, чтобы я мог взять их за руки, которые они мне протянули. Я хочу увидеть, кем мы можем быть, и они тоже хотят. Будущее, в котором мы работаем вместе, поддерживаем друг друга, понимаем друг друга. — Он с трудом проглотил подкативший к горлу комок; голос и руки его дрожали, но в глазах горела решимость. — И со временем и с терпением, мы полюбим друг друга.

Лань Цижэнь видел, как тяжело ему было выдавить последнюю фразу.

Сичэнь и целительница Цин издали тихие, ошеломлённые выдохи, и он внимательно посмотрел в глаза своему племяннику. Стиснул зубы и проклял глупую сентиментальность своего брата —

свою собственную сентиментальность.

— Восемнадцать месяцев, Сичэнь. Один год и шесть месяцев, чтобы попытаться построить эти... отношения, к которым вы трое так стремитесь. Если по прошествии года ты не сможешь предъявить доказательства этого, ты либо отрекаешься от своего Ордена и становишься бродячим заклинателем, либо возвращаешься домой, чтобы встретить своё наказание.

Глаза Сичэня, испуганные и сияющие слезами, остановились на его лице, а затем он улыбнулся, счастливый и благодарный.

— Дядя, я так и поступлю, — произнёс он голосом, полным эмоций.

Лань Цижэнь попытался соорудить суровое выражение лица, но со всеми этими эмоциями, витавшими в воздухе, он смог лишь чуть нахмуриться.

— Я уверен, что вы можете догадаться, какие доказательства я требую от вас, Сичэнь. Я... мне не нужны подробности, учитывая..., но это будет моим условием. — Он вызывающе поднял бровь, глядя на племянника.

Похоже, это не смутило Сичэня, который выглядел так, словно испытал огромное облегчение.

— Я понимаю.

— А ты? — Цижэнь повернулся к целительнице Цин и фыркнул. — Ты понимаешь?

Девушка вздёрнула бровь, часть её уверенности вернулась вместе с облегчением Сичэня и словами Цзян Ваньиня.

— Я здорова и способна выполнить Ваши условия, великий учитель, — прямо сказала она.

«И она это сделает», — с усмешкой подумал Цижэнь, даже не приняв во внимание медицинский аспект такого требования. Его племянник, по всей видимости, встретил достойного соперника.

Затем он посмотрел на Цзян Ваньиня, который, казалось, наконец, понял суть и густо покраснел, но не выглядел недовольным.

После выступления молодого человека ранее Цижэнь не стал требовать от него словесного подтверждения.

— Завтра, Сичэнь, ты принесёшь мне документы. Пока Ванцзи и Вэй Усянь не появятся сами,

ты и твои поклонники будете ждать в Облачных Глубинах — я уверен, что никто из нас не захочет идти за ними раньше — нет, я так не думаю. Дева Цзян тоже может остаться, или я могу организовать для неё сопровождение в Юньмэн. Мы можем обсудить всё утром, наряду со многими другими вещами, которые ваше решение сделало первостепенными. — Он встал, и ему почему-то стало легче, чем когда он сел. — Спокойной ночи, Сичэнь, целительница Цин, господин Цзян.

Когда он вышел из павильона, гнев, с которым он вошёл, остыл, превратившись во что-то похожее на надежду. Надежду на то будущее, которое так стремились построить его племянник и его избранники. Надежда на будущее Ванцзи и Вэй Усяня уже начала выковываться в сияющей славе.

В последние годы надежды было так мало, что Лань Цижэнь думал, что она исчезла совсем, улетев из этого мира на крыльях власти и процветания.

Война разрушила его дом и отправила его людей в подполье или на поля сражений, где они умирали от жутких ран или злых сил.

Его младший племянник и избранник его племянника уничтожили оружие ужасающей силы и чуть не сожгли мир вокруг себя из-за своего самопожертвования.

Его старший племянник месяцами истощал свою духовную энергию в отчаянной борьбе за сохранение жизни Ванцзи и Вэй Усяня, месяц за месяцем живя вдали от своего дома.

Нет, Лань Цижэнь думал, что надежда отойдёт к мифам и легендам, чтобы никогда не возвращаться в мир совершенствования, пока он жив.

И тут случилось чудо.

Ванцзи и Вэй Усянь выздоровели, слились и вернулись в Гусу. И они привели с собой маленького мальчика, чей дух сиял так ярко, что Лань Цижэнь был беспомощным пластилином в его крошечных, невинных руках, и объявили о своём намерении остаться.

И бабочка снова начала мерцать перед его глазами. Надежда взмахнула нерешительно крыльями — может быть, ещё не всё потеряно?

И хотя он думал, что его мир снова рухнул вокруг него, когда он увидел, как Сичэнь кладёт свою Печать в руку Ванцзи, он оказался совершенно неправ.

Теперь перед его глазами надежда блестящей искоркой пронеслась по воздуху, крылья сияли внутренним светом, маня к будущему, которое Лань Цижэнь едва ли мог себе представить.

Вместо того чтобы лечь спать, он свернул к пруду и устроился на берегу с прямой спиной и

расслабленными плечами.

На этот раз он с нетерпением ждал того, что принесут ему следующие годы, и чувствовал, как годы стресса и напряжения покидают его тело; как долго, думал он, его тяготило прошлое, от которого он считал себя неспособным убежать?

Впервые на его памяти, он почувствовал себя не сломленным трагедией своего прошлого. Он глубоко вздохнул и, запрокинув лицо, посмотрел на луну.

«Красиво, — подумал он. - Ошеломляюще».

Надежда порхала по небу, танцуя в его глазах, и Лань Цижэнь улыбался.

<http://bllate.org/book/13203/1177384>